

Сейчас господин Луань смотрел на него — прямо на середину сцены. Всё было точь-в-точь как тогда, в его поместье: князь сидел внизу, а он кружился на подмостках, танцуя лишь для него одного. Вот только в те годы он улыбался.

В тот же миг Юйчи Ган почувствовал, как по щеке покатилась горячая слеза.

С той секунды, как он поднял голову и встретился взглядом с князем, он уже не мог отвести глаз.

— Что происходит? Почему он не танцует?

— Вот именно! Не хочешь плясать — убирайся со сцены!

— Мы столько ждали только ради того, чтобы посмотреть на его слёзы?

Толпа внизу разразилась недовольными криками. Зрители и без того истомились в ожидании, а теперь, когда артист наконец явился, он просто стоял и плакал. Терпение почтенной публики лопнуло.

— Вэй-гээр! Вэй-гээр! — Дин Пинцзы высунулся из-за кулис, вполголоса окликая названного брата.

Однако Юйчи Ган не слышал ничего.

Все эти крики доносились до него словно назойливое жужжание мух — глухо, где-то в отдалении.

И взором, и всем сердцем он был там, с князем. С тем самым господином Луанем, о котором грезил дни и ночи напролёт.

Прежде чем Юйчи Ган успел сделать хоть движение, на сцену выбежал Дин Пинцзы и увлек его за собой.

— Ты что творишь?! Сам князь... Князь же смотрит прямо на тебя!

В труппе все знали, как сильно Юйчи Ган дорожит каждым взглядом господина Луаня. До безумия, до благоговения.

Юйчи Ган стоял как громом поражённый. Слёзы давно смыли и размазали его изысканный грим.

— Ступай к себе в башню, — раздался голос вошедшего Мастера Дина.

Юйчи Ган молча, словно в трансе, снял с головы тяжёлые украшения и вложил их в руки Дин Пинцзы. Даже не смыв испорченный грим, он медленно побрёл на чердак.

Юйчи Ган сидел на своей узкой кровати в башне, безучастно глядя перед собой. Он не помнил, как закончилось представление, и не знал, о чём сейчас думает господин Луань.

«Он ведь совсем меня не помнит, — тоскливо подумал Юйчи Ган. — В этой жизни мы ещё даже не знакомы».

— Ваше Высочество, низжайше прошу простить... Мальчишка сегодня занемог, — заискивающе произнёс Мастер Дин.

Бянь Му даже не взглянул на старика. Он лишь небрежно взмахнул рукой, давая понять, что ему всё равно.

Старейшина Дин не смел докучать князю расспросами. Убедившись, что гнева не последует, он поспешно отступил.

А на сцене тем временем уже кружились в танце Дин Пинцзы и Дин Жу.

— Уходим. Скука смертная, — бросил Бянь Му.

Он отвернулся от сцены и кивнул стоявшему подле него Ча Су. Тот мигом выбежал из чайной, чтобы подогнать экипаж.

Юйчи Ган, сидевший в своей комнате, уловил знакомый перезвон бубенцов на конской сбруе и бросился к окну.

Стоило ему распахнуть ставни, как из дверей чайной показался Бянь Му.

При виде князя Юйчи Ган судорожно зажал рот ладонью. Слёзы вновь хлынули из глаз, застывая взор.

Господин Луань был облачён в своё излюбленное одеяние. Юйчи Ган помнил, что у князя было множество почти одинаковых нарядов этого покроя: глубокий чёрный шёлк, расшитый тонким золотом, а в руке — неизменный складной веер.

Бянь Му уже собирался ступить на подножку кареты, как вдруг краем глаза заметил яркое красное пятно в окне верхнего этажа. Он вскинул голову.

Их взгляды встретились.

— Забавный малый, — негромко хмыкнул Бянь Му.

Князь поднялся в экипаж, и он едва заметно улыбнулся.

Юйчи Ган так и не понял, что господин Луань обратил на него внимание — пелена слёз размыла весь мир. Он просто сидел у окна, беззвучно плача, даже когда карета скрылась вдали.

— Сяо Юй? — Старейшина Дин тихо вошёл в комнату и увидел мальчика, сидевшего у распахнутого окна.

Юйчи Ган обернулся. Из-за потёкшей краски его лицо превратилось в жалостливую маску.

— Иди-ка сюда, умойся, — мягко позвал старик, протягивая ему влажное полотенце. Ни тени упрёка не было в его голосе.

Юйчи Ган вздрогнул и послушно шагнул к учителю.

Но вместо того чтобы взять полотенце, он крепко прижался к Мастеру Дину, уткнувшись лицом ему в грудь. Юйчи Ган был ещё совсем юн и едва доставал старику до плеча.

— Ну полно, полно. Чего ты разрыдался? — Старейшина Дин осторожно отстранил мальчика за плечи.

Юйчи Ган лишь всхлипывал, плечи его мелко дрожали, а глаза, полные слёз, преданно смотрели на наставника.

— Погляди на себя, живого места на лице нет, вся краска поплыла, — беззлобно ворчал старик, бережно стирая грим с его щёк.

Постепенно Юйчи Ган успокоился.

— Учитель... Простите меня, — прерывистым от икоты шепотом вымолвил он.

Мастер Дин отложил полотенце и увлёк мальчика за собой на кровать, приобняв за плечи.

— Расскажи старику, что стряслось?

Он всегда относился к Юйчи Гану как к родному сыну.

— Ничего... Просто я вдруг так сильно соскучился по вам, — прошептал Юйчи Ган и снова крепко обнял наставника.

— Глупое дитя, — вздохнул старик, ласково похлопав его по спине. — Ну всё, ложись-ка отдыхать.

С этими словами Мастер Дин тихо покинул комнату.

Юйчи Ган лежал на кровати, без конца прокручивая в голове события этого безумного дня. С каждым мгновением пелена сомнений рассеивалась: всё происходящее было осязаемым и настоящим.

«Я действительно вернулся в прошлое, — осознал он, и сердце его забилось чаще. — Мне дан второй шанс. Я заново проживаю эту жизнь!»

Теперь он снова видел живыми и Мастера Дина, и Дин Пинцзы, и своего ненаглядного князя. Трагедии ещё не случилось. Он всё ещё жил в Башне Хайхуа, учитель не покинул его, Пинцзы был невредим, а господин Луань ещё не забрал Дин Жу в своё поместье.

У него оставался шанс переписать судьбу.

«Раз небо даровало мне эту жизнь вновь, — твёрдо решил Юйчи Ган, сжимая кулаки, — я посвящу её князю. Я уберегу его от любых бед и несчастий. Чего бы мне это ни стоило».

К тому времени, как он забылся тревожным сном, небо за окном уже окрасилось в нежные предрассветные тона.

Юйчи Ган проснулся, когда первые утренние лучи коснулись подоконника. Немного полюбовавшись игрой света, он поднялся с постели. На душе было беспокойно. Грядущей весной князь заберёт Дин Жу.

«Что я должен сделать, чтобы господин Луань забрал и меня тоже?» — лихорадочно размышлял он.

— Вэй-гээр!

Знакомый девичий голосок прервал его невеселые думы.

Это была Дин Жу. Юйчи Ган содрогнулся — этот голос он не спутал бы ни с чьим другим во

всей Поднебесной. Воспоминания о пережитом ужасе ледяной иглой полоснули по сердцу.

Он невольно затаил дыхание, оборачиваясь.

— Вэй-гээр, что вчера с тобой стряслось на сцене? — спросила девочка.

Юйчи Ган смотрел на это милое, невинное создание, а перед глазами стоял совсем другой образ — безжалостной принцессы Луань, Шэнь Фу, которая много лет спустя хладнокровно обрекла его на смерть.

— Да так... пустяки. Тебе что-то нужно, сестрица? — с трудом выдавил он. Сердце в груди колотилось как безумное.

Дин Жу лучезарно улыбнулась:

— Вовсе нет! Просто пришла проведать тебя, Вэй-гээр. Ты так напугал нас вчера!

Глядя на её обезоруживающую улыбку, Юйчи Ган натянуто улыбнулся в ответ, из последних сил сясь сохранить невозмутимый вид.

— Ладно, я побегу завтракать! — прощептала она и упорхнула.

Когда лёгкие шаги Дин Жу затихли в коридоре, Юйчи Ган шумно выдохнул, чувствуя, как взмокшая спина холодеет от сквозняка.

«Пока что... пока она всё ещё моя маленькая сестрёнка», — тихо прошептал он самому себе.

\*\*\*

Поместье принца Луаня

— Ваше Высочество, в покоях госпожи У опять скандал, — негромко доложил Ча Су.

— И чего же она требует на этот раз?

Князь не спеша помешивал ложкой пшённую кашу, даже не глядя на слугу.

Госпожа У, его младшая матушка, была женщиной несносной и вздорной, способной превратить жизнь поместья в сущий ад.

— Заявила, что если вы и сегодня не позволите ей повидаться со старшим молодым господином Бянь Юем, то она пойдёт жаловаться... — Ча Су запнулся, не решаясь закончить фразу.

— Говори, — холодно обронил Бянь Му.

— Грозится уйти к покойному старому князю, дабы тот рассудил вас на том свете, — договорил слуга и поспешно опустил голову, боясь навлечь на себя гнев хозяина.

— Что ж, пусть отправляется, — равнодушно отозвался Бянь Му. Он со стуком отставил пиалу и поднялся из-за стола. — Если у самой смелости не хватит, я, как почтительный пасынок, могу лично проводить её в последний путь.

С этими словами он направился к выходу.

Стоило ему унаследовать титул принца Луаня, как мачеха принялась без конца строить козни, да и старший брат Бянь Юй не упускал случая вставить палки в колёса. К этому дому, к этим людям Бянь Му не испытывал ничего, кроме глухого отвращения. Всё тепло оставило эти стены в день кончины его отца.

— Позволить ли госпоже У продолжать бесчинства? — догоняя господина на крыльце, спросил Ча Су.

— Пусть беснуется, коли ей так угодно, — Бянь Му остановился у порога, вглядываясь в серую дымку утра.

— Вели запрягать. Едем в Башню Хайхуа, — приказал он.

— Слушаюсь.

Вскоре карета доставила князя к дверям чайного дома.

С тех пор как Бянь Му принял бразды правления, Башня Хайхуа стала его единственным прибежищем.

Юйчи Ган узнал о прибытии гостя ещё до того, как тот переступил порог. К перезвону бубенцов на его упряжке юноша был чуток как никто другой.

— Князь приехал! — взволнованно прошептал Юйчи Ган, замирая с метлой посреди сцены.

— С чего ты взял? — Дин Пинцзы, подметавший рядом, удивлённо воззрился на него.

И тут же тяжёлые двери распахнулись, впуская Бянь Му.

— О боги, ну ты и провидец! — вытаращив глаза от восхищения, ахнул Пинцзы.

Юйчи Ган лишь тепло улыбнулся, не сводя преданного взора с вошедшего господина и проигнорировав восторги названного брата.

До начала представлений оставалось ещё много времени. Князь любил бывать здесь в эти тихие утренние часы: он устраивался за уединённым столиком, неторопливо пил чай и слушал размеренную речь рассказчика.

— Понесёшь чай князю? — Дин Пинцзы протянул ему поднос с дымящимся чайником.

— Да, давай я, — Юйчи Ган бережно принял поднос и мимоходом вдохнул аромат напитка.

— Нужно переделать. Завари полегче: князь не любит крепкий настой, — покачал он головой.

Пинцзы недоуменно нахмурился:

— Да с чего ты взял? Он ведь всегда пьёт именно этот чай!

Юйчи Ган не стал спорить. Он молча вылил заварку и приготовил новый чайник, бросив туда лишь щепотку листьев.

О том, что господин Луань предпочитает легкий, едва терпкий настой, он узнал лишь в прошлой жизни, когда долгое время прислуживал ему в поместье. В Башне Хайхуа князю по привычке подавали густой, крепкий чай, и тот пил его без возражений, но Юйчи Ган помнил его истинные вкусы.

Юйчи Ган бережно поднёс поднос к столику и наполнил тонкую пиалу.

Закончив, он не ушёл, а застыл рядом, затаив дыхание и жадно разглядывая точёный профиль господина Луаня.

Всё то же благородное, до боли знакомое лицо... Юйчи Ган изо всех сил впивался пальцами в края подноса, боясь поддаться безумному порыву и коснуться его щеки.

— М-м? — Бянь Му почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд и повернул голову.

— Ваше Высочество... — тихо вымолвил Юйчи Ган. Слова застряли в горле — он совершенно забыл, как нужно вести себя с князем в эту пору, когда они были чужими друг другу.

— Славный чай, — нарушил молчание Бянь Му. По тонкому аромату пара он сразу понял, что напиток заварен иначе, чем обычно.

— Рад, что угодил вашему вкусу, — едва слышно прошептал Юйчи Ган и поспешно поклонился, намереваясь поскорее уйти, пока не выдал своего волнения.

— Погоди, — окликнул его князь.

Юйчи Ган замер на полпути и несмело обернулся.

— Это ведь ты вчера так горько плакал на сцене? — с лёгкой, дразнящей улыбкой спросил Бянь Му.

Эта полуулыбка мгновенно отозвалась тупой болью в самой глубине души Юйчи Гана. Точно так же господин Луань улыбался ему в тот последний день, перед тем как отправиться в свой роковой поход.

— Ну? Я жду ответа, — улыбка сошла с лица Бянь Му, сменившись привычной надменной холодностью.

— Простите ничтожного, Ваше Высочество, это был я, — поспешно опустил голову Юйчи Ган.  
— Вчера на меня нашла какая-то хворь, и я непозволительно сплеховал. Молю о снисхождении.

— Сдаётся мне, ты и сегодня витаешь в облаках, — Бянь Му отвернулся, потеряв к нему интерес.

Юйчи Ган стоял ни жив ни мёртв, уставившись в пол. Этот господин Луань ещё не знал любви к нему, не прощал ему милых капризов, и одно неверное слово могло всё погубить.

— Впрочем, чай отменный. Считаю, что ты искупил свою вчерашнюю вину, — милостиво обронил Бянь Му и сделал ещё глоток.

Юйчи Ган изумлённо вскинул на него сияющие глаза.

— Что застыл? Подлей еще, — нахмурился князь, заметив его замешательство.

— Сию минуту! — Юйчи Ган бережно наполнил пиалу до краёв.

Возвращаясь за кулисы, он едва сдерживал счастливую улыбку. Прежний Бянь Му за подобную оплошность на сцене безжалостно высек бы провинившегося или лишил платы. Но сегодня он проявил небывалое великодушие.



«Начало положено, — замирая от восторга, подумал Юйчи Ган. — Всё обязательно получится».

<http://bllate.org/book/20438/2116178>